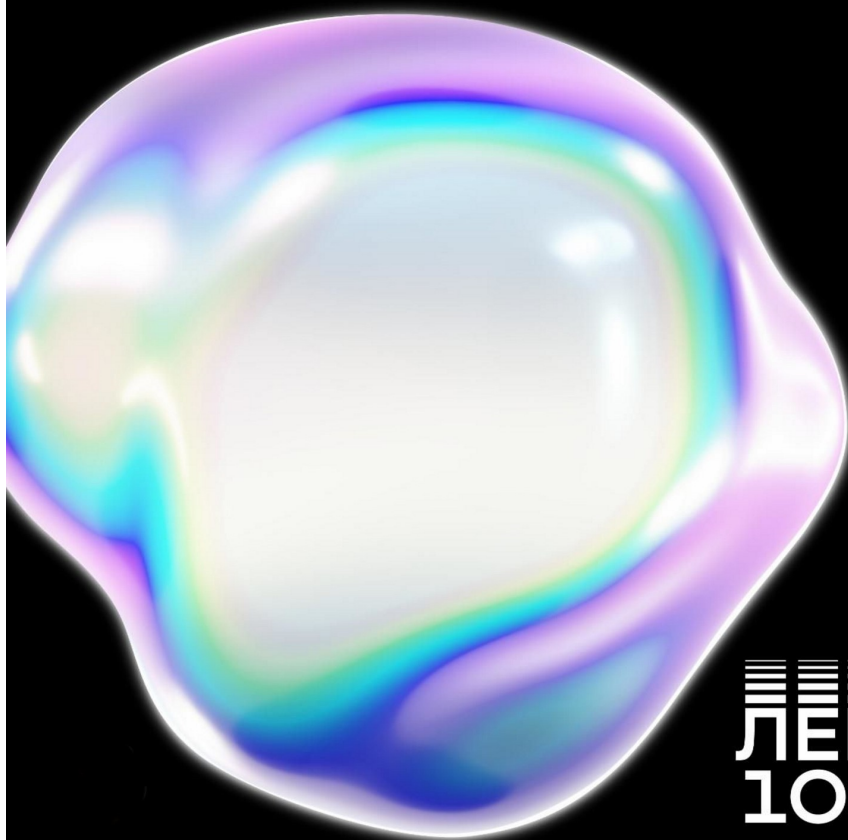

ФУТУРИАДА

девушка с жемчужной сережкой

ЭДУАРД ВЕРКИН

ЛЕМ
100

Футуриада

Сборник рассказов

Главный редактор — Полина Бояркина

Составитель — Сергей Шикарев

Выпускающий редактор — Елена Васильева

Литературный редактор — Ольга Мигутина

Bookmate Originals

2021

Предисловие

А не прошло ли время жестоких чудес?

После публикации «Фиаско» — последнего романа Станислава Лема — минула уже треть века, а соразмерной фигуры в фантастике с тех пор не появилось. Дело, конечно, не в отсутствии писателей, обладающих разносторонней научной подготовкой, и не в недостатке амбиций у авторов, которые посвятили себя фантастическому жанру (хотя симбиоз научных знаний и творческих стремлений — явление редкое).

Изменился сам ландшафт жанра. Научная фантастика, и тем более такая ее разновидность, как *hard science fiction*, твердая научная фантастика, в основе которой лежат гипотезы и открытия ученых, отступили с прежних позиций. Яцек Дукай, Грег Иган, Питер Уоттс, назвавший, кстати, «Солярис» Лема одним из лучших научно-фантастических произведений, при всей их востребованности являются приятными исключениями. Господствующие высоты заняли фэнтезийные эпопеи, «трилогии взросления», хорроры и попаданцы отсюда туда.

Соотношение изначально присущих фантастике способностей размышлять и развлекать изменилось в пользу последней. И жанровые метаморфозы лишь отразили происходящие в обществе перемены.

Притягательность космических пространств померкла перед бездонными черными экранами компьютеров и смартфонов.

Наука перестала быть уделом одиночек. Открытия совершают не гениальные ученые, а большие коллективы — и все чаще с помощью гаджетов и алгоритмов. А типаж сумасшедшего профессора исчез, кажется, даже из голливудских блокбастеров.

Да и вера в могущество науки и достижения научно-технического прогресса, точнее в их объединенную сверхспособность изменить жизнь к лучшему, ослабела и почти растворилась в воздухе. Наиболее прозорливые давным-давно заметили, что «радио есть, а счастья нет».

Творчество Станислава Лема пришлось на водораздел между двумя эпохами и ознаменовало собой исчерпание модернистского проекта с его стремлением к рациональному устройству общества, познанию мира и преобразению природы.

Неслучайно персонажи позднего его романа «Глас Господа», столкнувшись с загадочным сигналом из космоса, строят различные гипотезы о его природе и происхождении, но к однозначному достоверному ответу так и не приходят.

В схожей ситуации оказался и сам писатель. Свою футурологическую работу «Сумма технологии» (к слову, в отличие от многих «предсказаний» тех лет она актуальна и сегодня) он характеризовал как текст, который родился на развалинах так и не воплощенного проекта, призванного описать как единое целое все то, что интересовало писателя в области науки, философии и литературы.

Однако сегодня невозможно представить не только автора, способного реализовать столь дерзкий и грандиозный замысел, но и писателя, который всерьез о подобном задумывается.

И почетное место в ряду классиков XX века польский фантаст и философ занимает не только потому, что выразил в своих произведениях дух скоротечного времени (хотя есть что-то завораживающе символическое в том, что эпоха, начавшаяся «Энциклопедией» французских просветителей, завершилась «Фиаско» Станислава Лема).

Искатель холодных истин, он использовал инструментарий фантастики для постановки и исследования философских и экзистенциальных вопросов: происхождения жизни, развития технологий и их влияния на человека и человечество, поисков внеземного разума и возможности Контакта, философии случая.

Вопросы эти актуальны и сегодня.

В честь столетия со дня рождения Станислава Лема издательство *Bookmate Originals* выпускает мемориальный сборник, в который войдут фантастические рассказы и повести современных отечественных писателей.

Конечно, сборник — не соперничество с прославленным автором на его собственном поле и не попытка выступить в качестве его учеников и/или оппонентов (такие попытки заранее обречены — в лучшем случае, на неудачу), не будет в нем и продолжений или перепевов известных всем произведений.

Эти повести и рассказы — дань уважения любимому писателю. И одновременно — эксперимент из числа тех, что были свойственны самому Лему.

Мы живем в мире, где то, что для Лема было фантастикой, стало или становится частью повседневной жизни: фантоматика и виртуальная реальность, совершенствование человека и обретение бессмертия, кибернетика и искусственный интеллект.

Каким будет возвращение к классическим сюжетам научной фантастики XX века сегодня?

Антология памяти Станислава Лема призвана ответить на этот вопрос. Вошедшие в нее рассказы описывают загадку (и разгадку тоже) возникновения жизни на Земле, прикладную фантоматику, попытку контакта с

представителями внеземной цивилизации, отважное исследование — не космоса, а киберпейса — проблемы межзвездных путешествий и непростую жизнь *торлей*, а также многое другое.

Войдет в сборник и рассказ одного из финалистов Международного конкурса памяти Станислава Лема, который прошел в этом году при поддержке посольства Республики Польша.

Творчество Лема весьма многогранно. Есть в нем и веселые сказки роботов, и похождения Ийона Тихого, и научные монографии, и океанические драмы, и футурологические фантазии.

Вот и рассказы сборника разные — по темам, стилю и настроению, но неизменно — интересные.

Приятного чтения!

И поосторожнее с сепульками.

Сергей Шикарев

Эдуард Веркин

Девушка с жемчужной сережкой

...Прочное забвение — обычный удел Гениев Экстра-класса.

Станислав Лем. Одиссей из Итаки

Ховер опустился на четвертый стол, хотя Мартин загадывал седьмой и ставил на седьмой. В результате Ярослав выиграл сегодняшний кайт и от этого пребывал в прекрасном настроении. В полете он успел познакомиться с компанией девчонок с расписными серфами и всюду рассказывал об очевидных преимуществах кайтинга перед виндсерфингом. Девчонки смеялись, а Ярослав горячился и призывал идти на Залив вместе и прямо сейчас, там он докажет примат кайта над серфом на деле. К тому же он, Ярослав, обещает девушкам неистово дикую классическую жизнь — брезентовые палатки — раз, костер из плавника — два,

приготовление знаменитого кулеша «по-балтийски» — три, ныряние к затопленному миноносцу — четыре.

Мартину тоже хотелось на Залив, в палатки, к костру и запаху дыма, к миноносцу. Да и девушки, похоже, склонялись к Заливу, их, правда, несколько смущало отсутствие отдельных палаток, но Ярослав утверждал, что дополнительные палатки — не проблема, он добудет их ровно за восемнадцать минут, можете засекайте. Мартин завидовал Ярославу, он сам ни секунды не стал бы тратить на город и на музей, если бы не обещание. И, глядя на Ярослава и серфингисток, даже раздумывал: не поступить ли ему немного бесчестно? Махнуть прямо сейчас на Залив, а потом сказать, что посещал. А сувениры купить уже на обратном пути...

Мартин знал, что это не пройдет: маменьку вокруг пальца провести не получится, маменька видит насквозь и дальше. Поэтому, когда в здании терминала Ярослав побежал получать багаж, Мартин отправился к пассажирским выходам изучать транспортный лог.

Через час в сторону залива отправлялся катер, на котором Ярослав собирался дойти до стоянки с кайтом, девушками и остальным снаряжением, у Мартина же вариантов было гораздо больше. Каждые десять минут к центру стартовали рейсовые ховеры, каждые двадцать к Дворцовой площади отправлялся подземный экспресс, каждые полчаса к Старому вокзалу уходил исторический поезд на паровозной тяге с остановками на Васильевском острове, Сенатской и Невском. К услугам желающих добраться до города по воде имелись персональные глайдеры. А можно было подождать полтора часа и на дирижабле совершить обзорную экскурсию «Над крышами», конечной остановкой которой, опять же, была Дворцовая.

Мартину хотелось посмотреть дирижабль, но ждать было долго, и Мартин взял глайдер. Он спустился в элинг, устроился в кокпите глайдера и запустил автопилот.

Получилось быстро, но не очень познавательно. По реке гуляла мелкая волна, инерционное поле в метре от носа

глайдера превращало воду в пар, в результате чего вокруг фонаря играли радуги, через которые город выглядел слишком весело.

Восемь минут спустя глайдер высадил Мартина у причала напротив Стрелки. Было жарко, Мартин взял мороженое и отправился через мост. Не торопился, глядел по сторонам. Позвонил Ярослав, сказал, что будет ждать Мартина вечером, а днем хорошенько выгуляет крыло, так что перед ужином Мартин, так и быть, может тоже погонять, если останутся силы после искусства. Еще сообщил, что девчонки так и не решились, и, если уж так получилось, Мартину вместо палаток и шипучки стоит прихватить бочонок золотистого рома, «Особый янтарный» без него не смешать, а какой кайтер без «Особого янтарного»? Но Мартин пообещал посетить.

Он перешел реку и немного походил вдоль набережной, решаясь, — и все-таки решился.

Толпа занимала весь внутренний двор Эрмитажа. Туристы шумели, смеялись и устраивали соревнования между правой и левой очередями. Мартин встал в левую. Ему совершенно не хотелось в музей, он не любил музеи, погода была прекрасная, в такую погоду надо на море, на пляжи, к камням и ветру, в воскресенье хотелось валяться на песке, пить «Особый янтарный» и наблюдать за яхтами. Но он уже давно твердо обещал маменьке, которая свято полагала, что каждый приличный человек должен посетить Эрмитаж, причем как минимум дважды. И Мартину предстояло сделать первый шаг.

Очередь продвигалась быстро, и минут через десять Мартин оказался в фойе. Он самым смутным образом представлял, куда ему стоит отправиться, изучить ли тщательно экспозицию в двух-трех самых известных залах или постараться пробежаться по всем. Сам он был склонен к скрупулезному подходу, однако толпа потащила его из зала

в зал, и скоро Мартин понял, что противостоять этому бесполезно. Он пробовал держаться подальше от центра движения, но толпа не отпускала, и даже если в ней случался недолгий промежуток, следующая партия туристов тут же подхватывала его, и все начиналось снова. Мартин вздыхал: маменька ведь советовала не ходить в Эрмитаж в выходные, маменька была, как всегда, права.

Через час Мартин потерялся окончательно. Он брел сквозь залы, ословело глядя по сторонам, иногда задерживаясь на минуту перед безусловными шедеврами, замедляя шаг перед шедеврами помельче или успевая бросить единственный взгляд на шедевры третьего порядка.

Иногда ему казалось, что он здесь уже был. Скульптуры, полотна и чаши выглядели знакомыми, однако Мартин не мог понять — видел он их только что или был знаком с ними по репродукциям и стереоальбомам. Было похоже на то, что он изрядно продвинулся вглубь, поскольку людей вокруг стало заметно меньше, посетители разбрелись и потерялись, и Мартин потерялся. Он чувствовал усталость в голове и в ногах и очень хотел посидеть немного на диванчике, однако диванчиков в окрестностях не наблюдал. Мартин решил перейти в другой зал и отдохнуть там, однако примерно в середине увидел острый световой клин, тянувшийся поперек пола.

Мартин остановился и обнаружил, что в сторону от зала с амфорами отходит коридор, странно светящийся синим. Свет исходил от пола, казалось, что под прозрачными плитами плескалось веселое полуденное море. Мартин огляделся. Зал — судя по рисункам на амфорах, посвященный античности — был пуст. Мартин достал буклет и сверился со схемой музея. Он с трудом отыскал на схеме зал с греческой керамикой и убедился, что рядом с ним никакого коридора с прозрачным полом нет.

Смотрительница в зале отсутствовала, уточнить было не у кого. Мартин приблизился к синему коридору.

Коридор не напоминал техническое пространство, выглядел скорее как вход в отдельное помещение.

Возможно, его открыли недавно и еще не успели нанести на схемы, но если он открыт — значит, можно посетить. А потом поспорить с маменькой: она будет уверять, что из зала с вазами никакого отдельного хода нет, а он скажет, что есть и ведет он...

«Наверняка там тоже что-то древнегреческое», — подумал Мартин и представил почему-то амфитеатр. Сейчас он пройдет по коридору и окажется в настоящем амфитеатре. Солнце, небо, горячие камни, и чтобы бухта и акведук, чтобы слышно, как чешут берег волны и как журчит в акведуке ледяная вода. Мартину почудился теплый ветер...

Через пять шагов коридор повернул направо и кончился, Мартин оказался в небольшом зале. Его стены покрывал бархатистый темный материал, а свет... в разных местах светился сам воздух — скорее всего, работала корпускулярная лампа: в воздухе словно плавали прозрачные световые облака разной степени интенсивности. Чуть ближе к правой стене зала стоял треногий мольберт, на котором располагалась картина. Мартин мог поспорить, что картина каким-то образом светится самостоятельно, изнутри. И конечно, он ее узнал. Обложка учебника для третьего класса — «Мировая культура». Кажется, Вермеер. Точно, Вермеер. Ясно...

И всё. Других картин в зале не было. Мартин подумал, каким образом Вермеер соотносится с античностью и почему к его картине ведет ход из зала с амфорами, и заключил, что, скорее всего, великий голландец развивал в своей живописи античные мотивы. Хотя, честно говоря, антично девушка с картины не выглядела. Больше всего она напоминала одну девочку, с которой Мартин учился в школе. Только та была без жемчужины. И с вредным характером.

Мартин разглядывал картину, удивляясь... Ее неожиданной приближенностью, что ли. Беззащитностью. Она была рядом, и он наклонился, разбирая почти

неразличимые мазки, — пожалуй, наклонился слишком, едва не касаясь полотна носом...

Ничего.

Поверх всех картин и скульптур в музее было натянуто прозрачное силовое поле, многочисленные дети то и дело испытывали бдительность этого поля и проверяли его пальцем — поле зеленело и отбрасывало пальцы прочь, оставляя на коже искристые кляксы, отчего дети необыкновенно веселились.

Поле не сработало.

Мартин не удержался и, оглядев на всякий случай зал, протянул к картине палец.

Палец продвигался к картине, а силовое поле никак себя не проявляло. Ни зеленой вспышки, ни покалывания на коже, Мартин почти коснулся полотна, остановив палец в миллиметре от него. «Видимо, какая-то ошибка», — подумал он. Не успели подключить. Или...

А вдруг это эксперимент? Проверяют, сколько посетителей попытаются потрогать шедевр мировой живописи? Вычисляют процент лиц с отклоняющимся поведением, выясняют, есть ли связь между желанием осязать картины и успешностью в жизни. Что, если все эти осязальщики в жизни сплошные неудачники и скрытые социопаты...

Мартин отдернул палец. Несмотря на то, что в зале было прохладно, на лбу у Мартина выступил мелкий пот. Ему было стыдно смотреть на девушку на картине, а вот девушка, напротив, казалось, изучала его с интересом, отчего Мартину захотелось немедленно выбежать, но он взял себя в руки. Отступил от картины на шаг и, хмурясь, продолжил разглядывать.

Блеск глаз уравнивается блеском жемчужины. Синий цвет успокаивает. Соломенный — настраивает. Черный фон... наверняка что-то олицетворяет.

Он смотрел на картину до тех пор, пока ему не показалось, что девушка чуть шевельнула рукой.

Мартин отступил от мольберта, протер глаза.
Разумеется, девушка оставалась неподвижна, просто...

Устал. Все-таки он устал. И физически, и от впечатлений — слишком много даже для беглого осмотра, надо отдохнуть...

Диванчик.

В зале имелся уютный диванчик, при виде которого Мартину захотелось немедленно передохнуть. А что? Он давно собирался, ничего в этом неудобного нет, диванчики для того и нужны, чтобы отдыхать...

Мартин подошел к диванчику и сел.

Хватит, думал он. Посижу пару минут — и на выход. Вообще на выход. И на Залив. В конце концов, обещание он выполнил — значит, свободен. На неподготовленного человека все это искусство воздействует не так уж и безобидно, искусство — это суровая штука...

Мартин открыл глаза. Похоже, он заснул. Совершенно позорным образом заснул в музее. Если маменька узнает...

Мартин побоялся представить, что сказала бы маменька. Твой прадед был художником, сегодня он впервые перевернулся в гробу. На таких, как ты, рисуют карикатуры, про таких рассказывают анекдоты. Зачем ты сидишь на Земле, твое место в поясе астероидов, там чудесные перспективы для бездельников и идиотов...

Мартин быстро сверился с часами и с некоторым облегчением обнаружил, что проспал, скорее всего, недолго — минут пять. И вряд ли кто-то это заметил: зал по-прежнему оставался пустым.

Только он и девушка.

Девушка, как показалось Мартину, поглядывала с картины несколько иронически, с понимающей улыбкой. Наверняка подобный конфуз она наблюдала не в первый раз. Мартин улыбнулся в ответ.

Ладно, пора...

Мартин поднялся, твердо намереваясь покинуть зал, однако внезапно обнаружил, что выхода из зала больше нет. Вместо коридора он увидел человека в белом спортивном

костюме. Человек приветливо улыбался и обмахивался походным туристическим планшетом, такие Мартин часто видел у диких трекеров.

Очередной посетитель, соблазненный синим цветом, ну что ж...

Мартин тоже улыбнулся и направился к выходу, ожидая, что человек отступит и выход откроется за ним. Но человек, похоже, не собирался отступать.

— Поразительно... — бормотал он. — Это... все... поразительно.

Мартин обернулся.

Девушка на картине смотрела уже строго, слегка нахмурившись, жемчужина в сережке сияла, как показалось Мартину, раздраженно красным.

— Это просто... невероятно... — прошептал человек.

Мартин не был согласен с тем, что невероятно: невероятно — это, конечно, слишком сильно сказано... Ладно, невероятно. Мартин подумал, что неплохо бы остаться подольше, рассмотреть картину получше... Но новый посетитель портил все настроение. Совершенно ненужное, лишнее и постороннее присутствие, не мог, что ли, подождать полчасика, получалось, что девушка теперь смотрит не только на Мартина, а еще и на этого несдержанного захожанина. Маменька сказала бы про такое «моветон» и привела подобающий случаю анекдот.

Лучше уйти.

Мартин попытался неловко заглянуть человеку за плечо, тот с готовностью шагнул в сторону, и Мартин обнаружил, что выхода больше нет.

— Странно... — пробормотал Мартин.

— Это только на первый взгляд... — задумчиво возразил посетитель. — Однако в этом... В этом есть определенный смысл...

Он замолчал.

— Что есть? — спросил Мартин.

— Меня зовут Сойер, — не ответил человек. — Алан Сойер.

Человек протянул руку. Мартин пожал.

— Мартин...

— Очень приятно!

Рукопожатие Сойера было крепкое и дружеское, — Мартин подумал, что Сойеру и на самом деле приятно.

— А я тут заблудился немного... — Мартин вздохнул. — Заглянул сюда, а здесь красота...

Мартин оглянулся на картину. Девушка смотрела с укоризной.

— То есть не красота, — исправился Мартин. — Искусство. Сидел, любовался... Знаете, просто... необыкновенно!

Мартину стало стыдно. Уснул в музее... А вдруг этот Сойер как раз карикатурист и есть? Ходит по Эрмитажу, собирает материал. Опубликует сборник, сейчас такие популярны...

Мартин представил карикатуру на себя: он уснул и лежит на диванчике, а вокруг зрители, которые смотрят на него, а не на Вермеера. И маменька обязательно увидит. И непременно узнает.

— Прекрасное полотно! — сказал Мартин. — Впервые вижу его... непосредственно...

Он снова попытался вспомнить, как называется картина, но снова не смог. Сойер, кажется, понимал состояние Мартина и сочувственно улыбался — улыбчивый человек Сойер.

Мартин осторожно осматривал зал, но другого выхода не было.

— Кажется, здесь... был...

— Выход? — спросил Сойер. — Извините, это... рефлекторно.

Сойер качнул головой, и выход тут же возник.

— Спасибо... — кивнул Мартин.

Хотелось поскорее покинуть зал, однако Мартину почему-то казалось, что Сойер не обыкновенный посетитель.

Журналист? Для журналиста слишком старый. Нет, не совсем, конечно, старик, лет семьдесят, но кто нормальный в

семьдесят лет будет этим заниматься? Психолог? Тоже староват. Может, педагог? Не действующий, разумеется, а руководитель... Директор школы.

— Не могли бы вы уделить нам... примерно полтора часа вашего времени?

Так и есть, что-то нужно. Возможно, он узнал, что я криотехник — руки-то в ожогах — и теперь хочет пригласить... Наладить криосистему в школьной лаборатории. Примерно так. И для этого подловил в Эрмитаже...

— Полтора часа... Не знаю даже, — растерялся Мартин.
— У меня... Сегодня дела...

Мартину стало неудобно за вранье, дела у него намечались ближе к вечеру, да и какие дела, так, выходные.

— Вы прилетели на выходные? — участливо спросил Сойер.

— Да, с друзьями... Сегодня вечером у нас... Встреча... Сойер понимающе покивал.

— Да, разумеется... — И вздохнул с определенной завистью. — Молодость, ты прекрасна... Не переживайте, мы доставим вас в любую точку побережья. Да и, собственно, в любую точку Европы, если вам угодно... В вашем распоряжении мой личный хOVER...

Мартин снова растерялся. Личный хOVER... Личный хOVER положен лицам с уровнем персональной ответственности не ниже пятого, значит, этот Сойер... По крайней мере магистр. Да, скорее всего магистр. Искусствовед, историк, может, художник. В Эрмитаже наверняка полным-полно художников — где, как не здесь? Сойер, Сойер... Мартин попытался вспомнить известных современных художников, но не вспомнил ни одного. Если личный хOVER, то наверняка из знаменитых. Может, дальний потомок Вермеера. А иначе зачем эта картина здесь?

Мартин снова поглядел на картину. Нет, даже появление Сойера ее не испортило. И вроде бы наоборот...

— Ваше время будет потрачено... — Сойер улыбнулся.
— Если выражаться архаически, в научных целях.
Исключительно в научных.

Директорам школ тоже, кажется, ховер положен.

— Я руководитель лаборатории пространства при Академии наук.

Сопротивляться научным целям не было никакой возможности.

— Да, конечно, — Мартин отвернулся от манящего синим выхода. — Я готов. Послужить...

— Пройдемте на диванчик? — предложил Сойер.

— Да...

Они вернулись к диванчику. Сойер разложил полевой планшет, в нем оказались листки бумаги и старинный самописец. Мартин заволновался. Теперь он почти не сомневался, что вляпался в эксперимент. Социологи. Или психологи. Или психосоциологи-бихевиористы. Поставили картину, открыли зал и смотрят — кто из посетителей потрогает, а кто будет просто по-человечески любоваться, какой-нибудь там «Герострат-тест», а он, идиот, попался...

— Я не очень понимаю, чем я могу быть полезен, какой вклад... Я ведь здесь совершенно проездом...

Вообще-то, это свинство. Приходишь в музей, любишься искусством, а на тебе ставят опыты. Да еще используют... Ее используют.

— Вы чрезвычайно полезны, — заверил Сойер. — Собственно, вы уже внесли вклад.

Мартин настороженно осмотрелся.

— Это эксперимент? — спросил он.

— Разумеется.

— Я так сразу и понял, — вздохнул Мартин. — Эксперимент... Вы не подумайте, я не хотел ее трогать...

Мартин спрятал руки в карманы.

— Я вообще не дотронулся! Понимаете, я был уверен, что там инерционное поле...

Сойер, кажется, не понимал.

— Я думал, там силовое поле, — повторил Мартин. — И вдруг решил проверить — есть ли действительно... А его там нет! Вы представляете?!

Сойер оглянулся на картину.

— Мне кажется, так нельзя, — сказал Мартин. — А вдруг какой-нибудь... вандал...

Какая глупость. Какие вандалы? Последний вандал вымер... Мартин не помнил когда. Он сильно сомневался, что институт вандализма еще существует.

— Или нелепая случайность, — продолжал Мартин. — Кто-нибудь может запнуться и удариться о картину. Или вообще... сознание потеряет. Так ведь нельзя!

— Погодите, — мягко перебил Сойер. — Мне кажется, у нас возникло... некоторое недопонимание. Это действительно эксперимент... но несколько не такой, как вам, видимо, представляется.

Мартин промолчал.

— Я не социолог, — сказал Сойер. — Я...

Сойер сбился.

— Я вам, разумеется расскажу, чем я занимаюсь. Но для начала... собственно эксперимент.

— Да, — с некоторым облегчением сказал Мартин. — Я готов.

— Ничего сложного. Ваша задача — описать мысли, которые у вас возникли в этом зале.

— Мысли? — не понял Мартин. — То есть... мысли?

— Мысли, — подтвердил Сойер. — Примерно с того момента, как вы сели на диванчик и до того, как мы с вами встретились. Необычные образы, странные мысли, возможно навязчивые... Мы называем это «этюд». Если вас не затруднит.

Сойер протянул планшет и перо.

— Да нет, не затруднит...

— Только, пожалуйста, постарайтесь избегать абстрактных понятий — вроде «красота», «искусство», «прекрасное». Нам нужна конкретика.

— Например?

— Например, «короед», — ответил Сойер. — Или «струбцина».

— Почему «струбцина»? — не понял Мартин.

— Это для примера — разумеется, у вас может быть своя струбцина.

Сойер поднялся с диванчика и отошел к картине.

Мартин взял планшет и перо.

Нет у меня никакой струбины, подумал он. Вернее, есть, но она в наборе инструментов, и здесь ни при чем... И короед... Я вообще никогда не видел короеда, что мне о нем писать... И какой дурак может думать о короеде здесь...

Перо было тяжелым и холодным.

— Разумеется, мы не требуем, чтобы вы зафиксировали все мысли. Десять-двадцать позиций.

— А если... у меня впечатления... в основном? Как тут быть? От картины ведь впечатления, а они... не конкретные.

— Впечатления — всегда результат конкретных раздражителей, — сказал Сойер. — Постарайтесь их максимально формализовать — по возможности, конечно.

— Хорошо... Попробую.

Мартин свинтил колпачок самописца и записал на листке. «Струбцина». Он быстро посмотрел на Сойера. Тот стоял перед мольбертом и разглядывал девушку.

Он должен был... лететь на Залив... А теперь вот...

Зачеркнул, скомкал лист и сунул в карман.

— «Красота» написал, — пояснил Мартин.

Он поставил точку на чистом листе. Ну да. От момента, когда вы сели на диванчик... Как же.

Мартин думал.

Признаться, что уснул? Что, в сущности, в этом такого? Да здесь, наверное, каждый день по тысяче на диванчиках засыпают. Может же человек устать? Человек последнюю неделю по две смены дежурил, приехал отдохнуть, обогатиться искусством, присел на минутку отдышаться, его и сморило, что, не имеет права? Вполне себе имеет. Признаться: так и так, уснул непроизвольно, никаких мыслей в требуемый период не имел — и на Залив.

Сойер стоял возле мольберта, засунув руки в карманы. Мартину показалось, что он разглядывает картину с каким-то излишне хозяйским выражением, чересчур по-свойски. Мартину это не очень понравилось, девушке на полотне, похоже, тоже: она явно предпочитала смотреть не на стоящего рядом Сойера, а на Мартина, да, Мартин чувствовал, что она смотрит именно на него.

Ладно.

Ладно, Сойеру требуется, чтобы он написал все, что пришло в голову. А как Сойер проверит, что именно ему в голову пришло? Никак. Поэтому можно смело писать все что угодно, все, что случайно придет в голову...

Однако написать все что угодно оказалось не так уж легко. Все слова казались, во-первых, глупыми, во-вторых, связанными между собой — не надо быть социологом, чтобы увидеть их нарочность и придуманность, Сойер сразу опознает подделку, в этом сомневаться сложно...

Сойер демонстративно разглядывал картину. Еще пара минут, и он догадается, что Мартин сочиняет. И придется признаваться...

Она улыбалась.

Именно ему. Только ему. Чуть испуганно, доверчиво, безнадежно. Ему.

Надо хоть что-нибудь записать... Мартин представил свою каюту на дирижабле, в деталях представил, слева направо.

Она давно умерла. От нее не осталось ничего. Глаза, прекрасные, как небо, выцвели, испарились. Не осталось имени. Просто девушка. Но она была и улыбалась ему, Мартину, двадцати трех лет, криотехнику, бестолковому человеку.

Мартин закрутил колпачок самописца.

— Все, — Мартин протянул лист. — Готово.

Сойер оторвался от картины.

— Положите, пожалуйста, лист в планшет, — попросил Сойер. — И закройте...

Мартин положил лист в планшет, передал Сойеру.

— Спасибо! Спасибо, вы нам очень помогли, — Сойер улыбнулся.

Мартин думал, что он немедленно прочитает написанное на листке, однако Сойер закрыл планшет и спросил:

— Чем вы занимаетесь, Мартин?

— Я? Криотехник, Южная группировка.

— Южная группировка?

— Высотные дирижабли, — пояснил Мартин. —

Выращиваем сверхчистые кристаллы... в основном.

— Да, конечно... Кристаллы — это очень интересно.

Сойер кивнул, но Мартину показалось, что в сверхчистых кристаллах он не очень хорошо разбирался. К тому же ничего интересного в своей работе Мартин не находил: заступил на вахту — и сиди, смотри в облака, пока спать не захочешь. А если нештатная ситуация, то сразу роботы лезут — сам ничего не успеешь сделать. И на всем дирижабле их два человека: он и молчаливый Петрич. Может, маменька и права, пора на астероиды, там хотя бы техника сложная...

— А вы чем? — в свою очередь поинтересовался Мартин.

— Я физик, занимаюсь пространством.

— Тополог? Или теоретик?

— Нет, я скорее двигателист.

— И как? — Мартин не удержался и придал голосу легкого ехидства. — Когда будет готов субсвет?

— Если не выбьются из графика, года через два. Полностью рабочий прототип.

— Это здорово, — вздохнул Мартин. — То есть... Значит, уже скоро?

— Если вы про Альфу, то в ближайшие десять лет. Да, думаю, не позже. Так что у вас есть шанс попасть в экспедицию, криотехники всегда нужны.

Хорошая идея, подумал Мартин. Не в пояс астероидов, а на Альфу.

— То есть вы уже строите сейчас? Корабль?

— Да, — рассеянно кивнул Сойер. — Кажется, на Луне.

Сойер указал пальцем в потолок, Мартин посмотрел.

— Это, конечно, грандиозный прорыв, — сказал он. — Новая космическая эра...

— Это тупик, — перебил Сойер. — Грандиозный, но несомненный тупик.

— Тупик?! — поразился Мартин.

Молчаливый Петрич мечтал об Альфе. Что там Петрич, Ярослав мечтал об Альфе, и уже с третьего курса перевелся в Звездный отряд и тайно сделал татуировку кентавра.

— То, что это тупик, было ясно еще до начала разработки, — невесело сказал Сойер. — Использовать субсветовой привод в Солнечной системе бессмысленно: для него в ней слишком тесно. Использовать его для внесистемных полетов бессмысленно втрое: он слишком медленный. Так что... В сущности, субсвет — это вчерашний день.

— Зачем тогда... вообще?

— Если честно, мы надеялись, что в ходе разработки откроются перспективы... Но они не открылись. А проект... Он должен быть с триумфом закончен. Мы должны показать человечеству, что началась... новая космическая эра.

«Сойер», — вспомнил Мартин. Алан Сойер — разумеется. Действующий академик, сторонник форсированной экспансии, единственный полный кавалер ордена Циолковского за достижения в области исследований пространства.

— Я покинул проект семь лет назад, — сказал Сойер. — Было ясно, что надо искать нечто другое. Сама парадигма преодоления пространства есть, в сущности, подход черепахи. Освоение только нашего рукава Галактики потребует совершенно иных принципов и иных возможностей. Но я, честно говоря, не знал, как подойти...

Мартин посмотрел на мольберт. Он не мог понять, причем здесь живопись. И эта картина...

— Задача... слишком колоссальна. Вы, наверное, слышали о работах Коулмана?

— Да, в школе еще... Создание параболы, модель «колокола»...

— Это уже проходят в школе, — печально улыбнулся Сойер. — Впрочем, неважно. Технически свернуть параболу несложно, однако энергетически... Создание колокола для переброски... пусть к той же Альфе... банально погасит Солнце. Так что это тоже тупик. Сам Коулман относился к своим расчетам весьма скептически...

Сойер замолчал, словно вспоминая.

— Кстати, в старости он полагал, что именно технология колокола привела к возникновению пустоты Эридана. Это, разумеется, недоказуемо, однако... Это дает жирную пищу воображению наших луддитов. Впрочем, не о них.

— Да, — сказал Мартин.

Он отчего-то представил луддита. Косматый мужик с безумными глазами, луддит пробирался на высотный дирижабль с мотыгой в руке и деструктивным намерением в сердце. Луддит, друг вандала.

— Другие варианты преодоления пространства не менее утопичны, — сказал Сойер. — Либо слишком медленно, либо затраты энергии настолько велики, что это делает любые путешествия абсолютно бессмысленными. Это стало понятно уже давно... И уже давно мы думаем о... других возможностях.

— Сверхсветовой двигатель?

Сойер почесал подбородок.

— Двигателем это назвать сложно, движение есть расход энергии, а энергии во Вселенной... не так много, как нам бы хотелось. Это, скорее, ключ. Новое понимание пространства. Новое отношение к пространству. А здесь...

Сойер обвел взглядом зал.

— Здесь мы проводим некоторый опыт. В попытках нащупать это новое понимание... Вы знаете, что такое «синхрон»?

— Нет.

— Это весьма своеобразный феномен... Впрочем, наверное, стоит немного пояснить. Я...

Сойер потрогал карман куртки.

— Я не очень люблю слово «информация», от него отдает шарлатанством, но пока мы оперируем именно этим понятием, к сожалению... Как вы знаете, принято считать, что информация распространяется со скоростью носителя — в нашем случае это свет. Если совершенно упрощать: мы знаем, что звезды есть, потому что они светят. А световой горизонт и есть та небесная твердь, из-за которой до нас не доносится пение ангелов...

Сойер невольно сделал кислую мину, видимо, оттого, подумал Мартин, что приходится все объяснять настолько примитивным образом. Мартин и сам не любил объяснять.

— Однако уже довольно давно существует предположение, что информация распространяется... Хотя, пожалуй, это не очень верно... Информация вспыхивает и существует одновременно в любых объемах пространства. То есть, возникнув здесь, в этой комнате, она в этот же момент существует и на условной Альфе. Наш с вами разговор происходит здесь, в Эрмитаже, и одновременно во всей остальной Вселенной.

Мартин слегка загрустил. Похоже на то, что Сойер человек обстоятельный и серьезный, и полтора часа действительно придется потратить. Во имя науки.

Девушка с картины глядела на Мартина с сочувствием. Мартин поймал себя на мысли, что улыбается ей.

— Это не так сложно, как представляется на первый взгляд. И даже не противоречит основам новой физики. Вопрос в другом... Возможно ли облечь даже самую гениальную идею хоть в сколько-нибудь работоспособную практику? Бэббидж изобрел дифференциальную машину, но заставить ее функционировать у него не получилось: изобретение технически нельзя было осуществить в то время. Способы продления молодости были предложены в начале двадцать первого века, однако технологии, способные осуществить выборочную секвенцию генома, появились лишь в середине столетия... Таких примеров

сотни. У меня была идея, но я даже не мог представить, с какой стороны к ней подступиться.

При чем здесь девушка с сережкой? Мартин поглядывал на нее и не понимал. Какое она имеет отношение к сверхсветовому приводу?

— Когда я ушел из проекта «Альфа», я почти год путешествовал. Налегке, с одним рюкзаком. Хотел проветрить голову, очистить мысли... Должен признать, получилось не очень, поскольку я, как ни старался, не мог избавиться от мысли о надвигающемся фиаско. Мы, человечество, скоро должны были отпраздновать покорение небесной сферы, но я-то понимал, что мы умудрились лишь слегка поцарапать алмазный предел. Преисполненный пессимизма, я решил отправиться в путешествие, ведь путешествие — лучшее средство для того, чтобы найти себя, начать новое...

Почему в наши дни не рисуют таких девушек? Наверное, потому, что сейчас девушки все счастливые. Умные, довольные, ироничные, а чтобы хорошо получиться на картине, надо пострадать. Или хотя бы испугаться. Современные девушки не боятся ничего, а страдают только от чтения классики.

— ...Так вот, я мотался по системе, нигде подолгу не задерживаясь, до Фобоса добрался, знаете ли... Хотел отправиться к внешним границам и уже договорился о месте на борту «Усы»: они уходили в рейд на полтора года, и мне это вполне подходило. Старт был назначен на ноябрь, и я решил на пару недель вернуться на Землю. Меня тянуло на север, я намеревался посетить Гренландию, Шпицберген, Новую Землю, так получилось, что там я еще не бывал, а хотел всегда. Впрочем, до Гренландии я не добрался... Повернул к югу. Отчего-то я повернул к югу, прошел над Канадой и остановился в Новой Англии. Я наугад выбрал коттедж у озера, мне повезло: стояла поздняя осень, тишина в природе, покой. Я занял коттедж, топил камин, много гулял по окрестностям, почти ни с кем не общался. И вот в один из дней я решил посмотреть, что находится на чердаке.

Он был завален множеством старых вещей, ничего необычного, в основном плетеная мебель и тактические пластиковые ящики. Кресла обветшали, ящики были закрыты, кроме одного, в нем я нашел лук и десяток стрел. Я взял лук, спустился с чердака на веранду и стал стрелять, пытаясь попасть в дерево во дворе. Я сумел выпустить четыре стрелы, не попал ни разу, на пятой тетива сорвала кожу с пальца. Я заклеил палец и отправился искать стрелы.

Сойер замолчал.

«Новая Англия — неплохая идея», — подумал Мартин. Надо предложить Ярославу в следующий раз отправиться туда, на озеро. Места там дикие, ни музеев, ни выставок, можно залечь на пляже и никуда не ходить...

Сойер молчал.

— А у меня хорошо получалось, — сказал Мартин. — Я в детстве любил стрелять, из лука тоже.

— А я нет... Не особо. То есть я вообще не любил стрелять, не понимал смысла...

— Это интересно.

Интересно, как все-таки ее зовут? У нее ведь когда-то было имя.... Он попытался вспомнить голландские имена, но ни одно, честно говоря, не подходило.

— Возможно...

Мартин отметил, что Сойер тоже то и дело поглядывает на картину.

— Здесь я должен сделать некоторое отступление для дальнейшего понимания случившегося. Это очень важно, поскольку позволит объяснить, с чем именно мы имеем дело. Так вот, мой отец занимался миниатюрой. Он был весьма увлеченным человеком, строил детальные модели исторических кораблей, самолетов, регулярно посещал конгрессы миниатюристов и был в этой среде известным мастером. Как-то раз он привез с одной из выставок забавный предмет — световой шар. Шар был размером с небольшое яблоко, и внутри него находилось еще несколько таких яблок, способных свободно вращаться. Каждый из этих шаров был прорезан некой клинописью...

Мартин вспомнил, что видел подобное где-то в Азии. Или в Индии. Шар, а внутри него еще шар — что-то вроде древних астрономических приборов.

— Этот шар мне чрезвычайно нравился, да что там, он меня завораживал. Я мог разглядывать его часами, поскольку резьба была необыкновенно тонкой, словно многослойной. Солнечные лучи проникали в него, отражались от полированного золота и резьбы и рисовали в воздухе затейливые фигуры. Это было необычайно красиво...

Сойер замолчал. Наверное, это тяжело — всю жизнь работать над световым двигателем, добиться успеха — и осознать, что все было зря. То есть не зря, конечно, но совсем не то, на что рассчитывал в молодости. И вот ты, уже немолодой ученый, вынужден начать все с начала, с нуля — и впереди долгие годы труда, причем непонятно, принесет ли этот труд плоды...

— Знаете, порой дети совершают странные поступки, — печально сказал Сойер. — Я не был исключением — однажды я взял и вырезал на шаре свое имя. Глупое желание, я понимал это даже тогда, но... вырезал. Мне было приятно, что на шаре останется мое имя. Разумеется, отец обнаружил это и случился страшный скандал, я убежал к реке и выкинул в нее шар. Отец взял себя в руки, и больше мы про шар никогда не разговаривали. И вот в тот день в Новой Англии — много лет спустя — я вышел на крыльцо и выпустил четыре стрелы. Первые три воткнулись в землю, я их вытащил без особого труда. Четвертая стрела вошла поглубже и воткнулась в корень дерева, причем достаточно плотно. Раскопав грунт, я обнаружил, что стрела воткнулась не в корень, а в некий металлический предмет. Выдернуть стрелу в саду не получилось, и я отправился в коттедж...

Сойер покачал головой, видимо, вспоминая тот день.

— Если честно, это было самое сильное переживание в моей жизни, — сказал он. — Когда я начал промывать круглый предмет, я с ужасом обнаружил, что это — тот самый золотой шар, некогда выброшенный мной в реку. Не

похожий, а именно тот: на нем сохранилось выцарапанное имя. Мое. Я разглядывал шар снова и снова, пытаюсь понять — не ошибаюсь ли я. Но никакой ошибки не было: мое имя, звездочка в конце — все совпадало.

Сойер вздохнул.

— Это было... непередаваемое чувство... размытия реальности. И следующие два дня я пытался осмыслить, что, собственно, произошло. Согласитесь, случай... мягко говоря, странный. Я летел над Америкой, совершенно произвольно выбрал место для посадки, выбрал один из шестнадцати коттеджей, совершенно случайно нашел на чердаке дома лук, выстрелил — и стрела попала в шар, который я выкинул в реку десятки лет назад. И на другом континенте. Это было... чудовищное совпадение. Я строил версии, как подобное могло произойти. Допустим... Допустим, мой шар мог выловить рыбак. Шар мог ему понравиться, он оставил его себе, потом рыбак переехал в Америку, таскал с собой и в один прекрасный день выронил из кармана. Или шар могли достать при углублении дна и показать археологам, археологи сказали: новодел — и выставили в музее ненужных вещей. Шар приглянулся молодой художнице, она отправилась с ним в путешествие, остановилась в коттедже. Однажды к ней прилетел жених, они поругались, и художница выкинула шар в сад...

Мартин подумал, что Сойеру, похоже, нравится рассказывать эту историю. Он наверняка рассказывал ее уже сотню раз, с каждым разом с удовольствием возвращаясь в тот день...

— Я придумал еще полдюжины версий, однако в итоге пришел к выводу, что правдоподобнее остальных первый вариант. С рыбаком. А потом я прикинул математическую вероятность подобного события. Думаю, вы понимаете, что она исчезающе мала. Но не верить своим глазам я не мог: шар лежал на столе. Тогда, пожалуй, впервые... Это была даже не идея — отблеск идеи, слабая вспышка... Я, мальчишка, поругавшись с отцом, выкидываю золотой шар в реку. Я, ученый, через пятьдесят лет достаю этот шар на

другом конце света. Что-то же свело эти несводимые события вместе? Через десятилетия и тысячи километров, через миллионы случайностей, развилок и поворотов. Случайность была просто математически невозможна. А значит, есть некий принцип... или механизм... который сводит эти события вместе.

— Возможно, в тот день, в детстве, ваш отец проследил за вами, — предположил Мартин. — И достал шар со дна реки. А потом хранил.

— Нет. Мама говорила, что после нашей ссоры отец заперся в мастерской и провел в ней весь день. Впрочем, я допускаю некую возможность... Конечно, мне сложно представить, что отец меня разыграл, он вообще человек далекий от юмора... Но даже если он это сделал... Дело в том, что к моменту моего визита в Новую Англию отец был уже много лет мертв.

— А ваша мать?

— Мама, к сожалению, тоже. Даже если кто-то и достал шар со дна реки, как он оказался во дворе коттеджа?

— Но объяснение с шуткой...

— Слишком сложно. И слишком дико. Следить за человеком пятьдесят с лишним лет, чтобы в некий момент разыграть его, заставить усомниться... в собственном рассудке... Довольно извращенное чувство юмора, не так ли?

— Согласен.

— Вряд ли в наши дни можно предположить существование человека, способного на это.

— Согласен.

Есть еще объяснение, вдруг подумал Мартин. Никакой истории с золотым яблоком и стрелой вовсе не было. Сойер все это просто придумал для... Зачем? Сумасшедшие ученые давно обитали лишь в анекдотах, в жизни... Сумасшедшему ученому никогда бы не разрешили проводить свои сумасшедшие эксперименты в Эрмитаже, да еще и использовать для них экспонаты.

Или...

Он может быть сумасшедшим — и не знать об этом. Вероятность исчезающе мала...

— Да, я понимаю, о чем вы подумали, — вздохнул Сойер. — Я тоже подумал про это. С некоторым, честно говоря, содроганием. Не очень приятно предполагать себя персонажем истории о докторе Джекиле и мистера Хайде... Поэтому я обратился в Совет, получил разрешение и с ним уже полетел в Институт мозга...

Сойер потрогал голову.

— Нейрозонд — довольно болезненное устройство... А сама процедура в высшей степени унижительна, но я, как ученый, должен был убедиться... Сканирование показало, что расстройства психики у меня нет, никакого расщепления личности, равно как и склонности к мистификациям... Это не я закопал шар в саду, чтобы потом его откопать.

Мартин подумал, что не хотел бы оказаться на месте Сойера. И вообще... Его увлекла история Сойера, однако он никак не мог понять, каким образом она связана с Вермеером и уж тем более с межзвездными полетами.

Мартин бросил взгляд на картину. Девушка слегка заскучала.

— Убедившись в ясности собственного рассудка, я приступил к исследованиям. Я остался жить в том коттедже, единственное, попросил, чтобы мне прислали некоторое оборудование и книги. Скоро я выяснил, что имел место так называемый «синхрон».

Мартин кивнул, хотя, на самом деле, что такое «синхрон», не очень понимал.

— Феномен неоднократно проявлялся в истории, и проявления эти общеизвестны: «Титаник», судьба династии Романовых, бутылки с посланиями, найденные в море, случай с Че Геварой — всего наши аналитики выделили больше тысячи подобных казусов, хотя их, конечно, значительно больше. Разумеется, прежде эти явления рассматривалось либо с точки зрения мистики — например, как вмешательство склонного к жестокой иронии вельтгейста, — либо как позднейшие подтасовки и

мистификации. Однако даже самый несложный математический анализ показывает, что здесь несколько иное...

Сойер опять пощупал нагрудный карман спортивной куртки, и Мартин подумал, что Сойер курильщик. По слухам, многие ученые становились курильщиками. Вроде даже традиция у них такая...

Не хватало, чтобы он начал здесь курить. Вряд ли осмелится.

— Сама вероятность упоминания о таком феномене в письменных источниках чрезвычайно мала, хотя бы в силу крайне ограниченного распространения этих источников в Средневековье, да и в Новое время тоже. Но упоминаний неожиданно много. А значит, явление распространенное....

«Никогда не думал, что встречу курильщика, — подумал Мартин. — Осталось встретить луддита».

— Разумеется, первым делом я наткнулся на Юнга, классическая работа о синхроничности. Собственно, она довольно прочно забыта... как и многие манифесты паранауки. Юнг, конечно, несколько романтизирует синхроничность, для него она есть проявление деятельности надсознания, он мало отделяет феномен от индивидуума и его воли. Однако после случая с золотым шаром я был уверен, что синхроничность имеет сугубо физические корни, поскольку, как ученый, я понимал, что рыба Юнга по сравнению с моим шаром — всего лишь экстаз пусть нелепых, но отнюдь не невозможных совпадений. Полумагическое смысловое поле, которым оперировал Юнг, есть поле, без сомнения, физическое. Даже не поле — скорее, канал. Поток.

Девушка заскучала сильнее. Глаза ее словно остекленели, живой блеск спрятался в глубине.

— Надо признать, что Юнг сам относился к своей идее с некоторой иронией, в отсутствие элементарной технической возможности исследования физической стороны явления он концентрируется, разумеется, на метафизике... В лучшем случае на нейрофизиологии и аналитической психологии.

Если упрощать, то Юнг всего лишь стеснительно задает вопросы. А я намеревался получить непосредственные ответы. И мне повезло еще раз... Хотя сейчас я склонен думать, что везение здесь вовсе ни при чем... Сейчас я полагаю, что везения... Его вообще не существует.

— То есть?

— Есть закономерности, механизм которых пока вне нашего понимания. Фортуна — не богиня удачи, а точно такой же закон природы, как гравитация. Примерно так я думал. Однако, если честно, я не решился обсудить свои мысли с серьезными учеными, согласитесь, в наши дни оперировать в научных кругах терминами «бессознательное» или «архетип» означает... скажем так, рискнуть репутацией. Что позволено Лейбницу, Сойеру, знаете ли, не к лицу...

Сойер усмехнулся.

— Но это пока, скоро все изменится...

Сойер обернулся на картину и словно бы слегка кивнул девушке.

— Да... Почти год я потратил, пытаюсь выяснить, воспроизводимо ли это явление в принципе. Я сконструировал несколько механических вариационных моделей, провел опыты... Надо признать, довольно оригинальные, однако в итоге, разумеется, ничего нового не выяснил... Но именно тогда я познакомился с Павловым. Вы слышали про него?

Мартин помотал головой.

Он продолжал поглядывать на девушку и с каждым разом задерживался на картине чуть дольше. Все-таки этот Сойер... обладал прекрасным чутьем...

— Павлов был кибернетиком, а в свободное время интересовался историей, экономикой, соционикой. А еще он был человеком... широких взглядов. По своей основной специальности Павлов занимался проектированием интерфейсов белковых интеграторов — сами понимаете, с какими трудностями ему приходилось сталкиваться. Это было мне на руку: Павлов не опасался сумасшедших задач.

Тогда белковые компьютеры только вводили в широкую эксплуатацию и, надо признать, никто толком не представлял, к чему это может привести, поэтому действовали осторожно. Сам Павлов занимался калибровкой систем отклика вычислителей, а помимо основной деятельности сотрудничал с группой «Ворга» — про них вы, конечно, слышали?

— Да, разумеется... — Мартин пошевелил пальцами в воздухе. — Мозговые штурмовики. Они изобрели «легкую воду»...

Сойер кивнул.

— «Легкую воду», «медленный свет» — собственно, всего около двадцати изобретений. Их посетила весьма оригинальная... даже революционная идея информационного обогащения. Ну, строго говоря, не совсем их — скорее, Платона, но именно «Ворга» восприняла его идеи настолько буквально. Павлов, как специалист по белковым системам, непосредственно участвовал в опытах.

Сойер принялся расхаживать перед мольбертом, Мартину это не нравилось.

— Дело в том, что за полтора века электронной записи собрались гигантские информационные массивы, — рассказывал Сойер. — Знаете, с момента внедрения надежных и емких информационных аккумуляторов человечество накопило чудовищные объемы данных в самых разных областях. Разумеется, это не мир идей Платона, но нечто похожее...

Сойер поводил руками над головой, Мартину показалось, что за его руками протянулись световые полосы.

— Очень перспективно... — растерянно сказал Мартин.

Он пытался следовать за мыслью Сойера, однако поспевал не всегда. Перебивать не хотелось. А попросить, чтобы не мельтешил перед мольбертом, было неудобно.

— Новые компьютеры позволяют осуществлять обработку практически бесконечных информационных объемов. Паладины «Ворги» предложили оснастить белковые вычислители неким алгоритмом, позволяющим...

скажем так, обогащать эти объемы. Они, как старые лунные драги, просеивали породу и пыль и извлекали из нее крупницы бесценного гелия. Результаты, как вы знаете, впечатляли. Одна «легкая вода» произвела революцию в планетарном транспорте.

— Да-да, хOVERы, — кивнул Мартин.

— ХOVERы, стационарные дирижабли, инерционные компенсаторы — можно долго продолжать. Однако дальнейшее продвижение неожиданно остановилось, новых открытий совершить не удалось — видимо, это связано с тем, что объем информации хоть и был велик, но не был бесконечен... Алгоритм обогащения исчерпал, скажем так, запасы руды, и для его возобновления потребуется некоторое время... Время для нового накопления знаний... Впрочем, мы уходим в сторону. Для нас важно то, что при запуске алгоритма порой возникал некий феномен, который сами участники группы называли «нулевым коридором». Вы наверняка знаете основные принципы работы белковых вычислителей?

— Да, конечно... — кивнул Мартин. — «Глаз пчелы»...

— Совершенно верно. Белковые компьютеры обгоняют квантовые машины примерно так, как квантовые вычислители обгоняли транзисторные ЭВМ. Однако даже для них предложенная задача оказалась непростой. Именно для того, чтобы объяснить машине эту задачу, был разработан алгоритм «Сейда». Вы знаете, сколько времени понадобилось для открытия «легкой воды»?

— Нет...

— Обычное время отклика белковых систем — от десяти до двухсот секунд. Принцип и формула «легкой воды» были рассчитаны за полторы миллисекунды, — сказал Сойер. — Под управлением «Сейды» белковые компьютеры действовали так, словно они не анализировали информационные массивы, а прокладывали кратчайший путь между вопросом и ответом. Бывали сеансы, когда ответ приходил настолько быстро, что стороннему наблюдателю

могло показаться, что он возникал раньше вопроса. Это и называли «нулевым коридором».

Сойер усмехнулся.

— На попытку выяснить суть этого явления «Ворга» потратила почти два года, и в результате распалась, так и не найдя ответа. Более того, воспроизвести «нулевой коридор» с меньшими объемами информации или повторить его с уже отработанным объемом не удавалось — разумеется, это списали на особенности работы белковых машин. Но некоторые участники «Ворги» высказывали фантастическое предположение, что «Сейда» не анализирует информационные массивы как таковые и даже не прокладывает вектор «вопрос-ответ», а каким-то образом коммуницирует с предполагаемым информационным полем... То есть фактически с миром тех самых платоновских идей, в котором все ответы имеются априори. Надо сказать, что Павлов к этому не отнесся всерьез, поскольку был человеком в высшей степени реалистичным. После распада «Ворги» его привлекли к решению логистических проблем в Солнечной системе, и почти на два года он забыл про «нулевой коридор». Когда логистика была налажена, Павлов взял отпуск. Но долго сидеть без дела он не мог и решил прогнать через белковые анализаторы данные, относящиеся исключительно к логистике и экономике. Вы знакомы с понятием «экономический кризис»?

— Что? — вздрогнул Мартин.

— Экономический кризис?

— Весьма... поверхностно, — сказал он. — В самых общих чертах... Кризисы... Недопроизводства, кажется...

— В том числе. Было принято считать, что экономические кризисы прошлого вызваны либо просчетами долгосрочного планирования, либо злой волей спекулянтов, либо некоторыми закономерностями движения финансовых потоков. Политикой. Однако Павлов совершенно неожиданно обнаружил, что зачастую объективно установить причину кризиса не представляется возможным.

Цены на нефть повысились вследствие войны на Ближнем Востоке, или война была результатом повышения этих цен? Лихорадка биржи Нью-Йоркской вызывала панику на бирже Токийской, или связи между этими событиями не существовало? Павлов просчитывал десятки параметров и постепенно приходил к выводу, что либо этой связи не было вовсе, либо она, опять же, лежала вне сферы прямой каузальности. А дальше случилось событие выдающееся: феномен «нулевого коридора» и результаты анализа экономических кризисов оказались в голове Павлова на соседних полках. И он вдруг понял, что имеет дело с отголосками явления, которое гораздо шире.

Сойер вздохнул.

— Примерно в это время я его и встретил. Что само по себе забавно, конечно... Некоторое время мы занимались тем, что прогоняли через «Сейду» произвольные массивы данных. Оказалось, что необъяснимые вспышки синхроничности происходят регулярно. Время гибели косаток в Охотском море и самоубийства косаток у побережья Калифорнии совпадало до секунд. Катастрофа ховера 65-14 над Мексиканским заливом и неудачная посадка ховера 14-65 на Камчатке. Одновременное открытие искристых полимеров. Вспышки лунной мигрени. Амок в Толедо...

Сойер задумался.

— А правда, что лунная мигрень... Ну, люди считали, что могут летать?

— Да...

Мартин подумал, что поступил довольно бестактно, вспомнив лунную мигрень, но Сойер сделал вид, что не заметил.

— Ни Павлов, ни я не знали, как подступиться... к практической части. Да и сейчас, честно говоря, тоже... слабо понимаем. Мы накапливаем данные. Однако кое-что мы все-таки выяснили. Явление, которое мы пытаемся изучать, гораздо плотнее статистической погрешности. Кстати, гораздо плотнее, чем представлял сам Юнг, — если

говорить откровенно, на несколько порядков плотнее. Согласитесь, вероятность того, что два абсолютно незнакомых друг другу человека, находящиеся в семи световых минутах друг от друга, в один период времени подумают...

Сойер улыбнулся.

— Например, о зеленых лобстерах. Так вот, теоретически вероятность этого крайне мала. Однако практически такое случилось. Кроме того, феномен склонен к определенной концентрации. То есть реализация «синхрона» на порядок увеличивает вероятность в ближайшем времени следующего «синхрона». Два «синхрона» — практически неизбежный третий. Если имеет место концентрация, можно говорить о системе. Соответственно, любая система подчиняется физическим законам. Да, пока мы только подбираемся к сути явления, но я с уверенностью могу сказать: там, где возможен перенос информации, возможен и перенос энергии. А следовательно, и материи. Это, кстати, доказывают работы Эль Сонбати. Наша задача на сегодняшний день — добиться устойчивого воспроизведения эффекта «нулевого коридора» в заданных точках условного информационного поля.

— Информационного поля? — переспросил Мартин.

— Лично мне все же больше нравится термин «поток Юнга», — сказал Сойер. — И наша ближайшая цель — синхронизация в потоке Юнга.

Сойер в очередной раз дотронулся до кармана, с сожалением поморщился.

— Насколько удалось выяснить, к проблеме пытались подступиться четыре раза, — сказал он. — Это если говорить об экспериментах, претендующих на относительную научность и проведенных в рамках квантовой и постквантовой парадигмы. Конечно, опыты мистиков — в частности, космистов — трудно принимать в расчет... Но...

Сойер замолчал, задумавшись.

А Мартин попробовал представить космиста. Однако если вандал и луддит представлялись ему достаточно живо, космиста воображение не рисовало. Вот сам Сойер чем-то этого космиста неуловимо напоминал... А что, если Сойер космист и есть? Что, если в Академии наук действует тайное общество космистов и Сойер их предводитель? Изобретал сверхсветовой двигатель, в процессе повредился рассудком и возжелал путешествовать сквозь Вселенную усилием воли. История науки такие факты знает, достаточно вспомнить...

Девушка, кажется, хихикнула. Наверняка бы хихикнула — что может быть смешнее общества тайных космистов? Мартин не удержался и хихикнул сам.

Сойер нахмурился.

— Просто у меня дедушка тоже космист, — брякнул Мартин. — Он... Очень эксцентричный старик... То есть человек...

Мартин покраснел. Он ненавидел этот глупый день, бестолковый, бессмысленный и унижительный.

— Понимаю ваш скепсис, — сказал Сойер. — Я сам был таким же. Однако со временем начинаешь мыслить иначе. И тогда становится уже не так смешно.

Лучший день.

— Человек — космическое существо, — продолжал Сойер. — Он создан для экспансии, он не может жить в норе. Сейчас мы пытаемся высунуть из норы нос. Однако этого мало. Для будущего нам необходимо двигаться дальше. Мы должны обойти релятивистский парадокс. Нам нужна мгновенная аппаратная связь. Нам нужен «нулевой коридор». Нужен привод, способный перемещать объект в любую часть Вселенной за один удар сердца.

— Да, подпространство... — кивнул Мартин.

— Подпространство — примитивная и ненадежная схема, — ответил Сойер. — Проблемы те же: слишком медленно, слишком энергоемко, слишком непредсказуемы побочные эффекты. Предполагаемый максимальный трак подпространственного прыжка — пять световых лет. Это...

просто смешно! Вместо телеги субсвета мы пересядем на паровоз подпространства! И это, по-вашему, прогресс?!

Сойер произнес это несколько фанатично, так что Мартин осторожно огляделся в поисках возможных путей к отступлению. Но путей отступления не было.

Сойер снисходительно и печально вздохнул.

— Людям свойственно мыслить устаревшими схемами — в этом, кстати, одна из причин тупика... Это, видимо, биология — готовиться к проигранным сражениям...

Впрочем, Каттлер не может закончить даже предварительных расчетов, что, впрочем, неудивительно: его модель громоздка и уродлива. А наша изящна и... в сущности, проста. Помните: уродливый звездолет не сможет взлететь. А наш звездолет будет ослепительно прекрасен.

Мартин поглядел на картину. Теперь девушка была слегка испугана.

— Великолепно, не правда ли? — Сойер перехватил его взгляд.

— Да... — поинтересовался Мартин. — А почему именно она?

Сойер смотрел на картину.

— Почему именно она? — повторил вопрос Мартин.

Сойер, кажется, засмутился.

— Боюсь, здесь мы ступаем на зыбкую почву метафизики, — ответил он. — Есть предположение...

Впрочем, сразу оговорюсь, что предположение это сугубо частное и лежит в области... скажем так, легендарной.

Видите ли, я уверен, что на летающих бочках, заполненных модифицированным водородом, пространство возможно только преодолевать. Переползать. А мы должны оставлять его позади. Вселенную сотворил гений. И взмах его резца виден — в этом никакого сомнения. А нам... Нам нужен некоторый резонанс... Приближение... Между всеми проявлениями гения есть связь, и я убежден, что пространство покорится только безусловной красоте...

Сойер замолчал.

— Дело в том, что эта картина — сама в чем-то есть пример... Иллюстрация действующего принципа, так сказать...

Сойер подошел к полотну.

— Что вы увидели на ней первым? — спросил он.

— Глаза, — ответил Мартин. — И жемчужину. Все сразу...

— Верно, — кивнул Сойер. — Однако на самом деле вот это, — Сойер указал на жемчужину — это огрех реставрации. Изначально этого блика не было, жемчужина была вполне себе тусклой. Однако природа не терпит незавершенного жеста — и спустя столетие она этот жест завершила: рука реставратора дрогнула, и миру явился гениальный проблеск... Теперь мы наблюдаем гармонию и совершенство... Наш двигатель будет совершенным... Впрочем, похоже, я вас окончательно запутал.

Мартина пожал плечами.

— Давайте я лучше расскажу, как это устроено. Есть два объема, не связанные между собой ничем, кроме пребывания в пространстве и времени. В одном из них находимся мы с вами. Второй расположен на борту станции «Горизонт». В определенный момент времени в объем на станции «Горизонт» входит приемник. В этот же момент открывается доступ в объем на Земле — и в него входит актуатор — абсолютно случайный человек. В данном случае это вы.

— А если не входит? — спросил Мартин.

— Это тоже важная часть эксперимента, — сказал Сойер. — Если в объем не входит никто, мы получаем возможность определить степень объективности нашего опыта. Но в целом мы стараемся размещать объем в людных местах, а человеку свойственно любопытство. Вы же вошли.

Мартин кивнул.

— А что... Что там? На «Горизонте»? Там тоже картина?

Мартин указал пальцем в потолок.

— Не знаю, это одно из условий эксперимента. А здесь... Здесь свет.

Сойер улыбнулся, оглянувшись на девушку.

Свет, Мартин был согласен. Достаточно света.

— Извините, можно задать... глупый вопрос? Это...

— Да, конечно, — кивнул Сойер. — Это подлинник.

— Я так и думал... Не сомневался, то есть...

— Предполагается, что если актуатор находится в состоянии... душевного подъема, совпадение с приемником увеличивается. Для того чтобы раскачать «синхрон», человек должен переживать... Допустим, вдохновение. Счастье, любовь, радость творчества.

— Интересно...

Присутствие девушки ощущалось настолько остро, что Мартин поймал себя на том, что то и дело отводит глаза в сторону. Чтобы не смотреть. Не залипать.

— В сущности, ничего удивительного, — сказал Сойер.
— Даже я...

Сойер кивнул на картину.

— Признаться, даже я чувствую себя весьма необычно.

Сойер смутился и замолчал.

— А зачем вам нужен час? — спросил Мартин

— Видите ли, для максимальной чистоты эксперимента нам приходится использовать весьма архаичную методику связи. Модуль «Горизонт» расположен в точке L3, чтобы исключить...

Сойер замолчал, раздумывая. Мартин ждал.

— Должен признать, пока мы не очень хорошо представляем механику нашего будущего устройства, — сказал Сойер. — И уж тем более мы далеки от понимания его физики. Поэтому нам нужен максимально чистый результат. «Горизонт» находится за Солнцем, приблизительно в шестнадцать световых минутах от Земли. Его нельзя наблюдать визуально, и прямая связь с ним невозможна. Коммуникация осуществляется, можно сказать, частично механическим способом. Сейчас на «Горизонте» три человека — Техник, Физик и Приемник. Техник занимается поддержанием работоспособности станции, Физик проводит эксперимент, Приемник, соответственно, пытается синхронизироваться с актуатором. Приемник

собственной рукой записывает все, что так или иначе пришло ему в голову во время сеанса и передает Технику. Тот, в свою очередь, разрезает лист на восемь частей, помещает в капсулу и отстреливает в пространство. Спустя тридцать минут капсулу подбирает «Тетис» — один из кораблей Академии наук. Роботы вскрывают контейнер, сканируют части манускрипта, шифруют...

Сойер остановился.

— Одним словом, чтобы исключить даже минимальную возможность влияния приемника на актуатора, используется многоступенчатая система информационного карантина. Мы пошли на то, чтобы на «Горизонте» не было никаких телекоммуникационных устройств, кроме аварийных сигнальных ракет.

Мартин потрогал голову. Странно чувствовать себя актуатором.

— Но позвольте... — сказал он. — Если приемник уже записал образы на бумаге, как на это может... на что-то повлиять?

— Хороший вопрос, — кивнул Сойер. — Хороший вопрос, на который ответить не так-то просто. Дело в том, что в нулевой фазе эксперимента обратная связь осуществлялась с помощью стандартных трансмиттеров. И каким-то образом это практически вдвое увеличивало вероятность положительных результатов.

— То есть? — не понял Мартин. — Как это возможно?

— Честно говоря, рационального ответа у нас пока нет. Солнце, гравитационные линзы — предположений много...

Сойер пожал плечами.

— Мы не знаем. Сам по себе феномен заслуживает тщательного исследования, но, к сожалению, мы ограничены в ресурсах. И во времени. Но, когда связь «приемник-актуатор» была разорвана механически с тридцатиминутным буфером, результаты изменились. Юнг, кстати, предсказывал нечто подобное... Впрочем, думаю, не стоит вас утомлять нашей космической кухней.

С этим Мартин был согласен.

— А каковы результаты? — спросил он. — Результаты есть?

Ему показалось, что Сойер слегка смутился.

— Да, есть. Впрочем, мы... Сейчас мы на первой фазе исследований. Наша задача — сбор эмпирических данных. Вторая фаза — математическое и физическое обоснование синхронизации без эффекта перетока энергии, на этом отрезке наша цель — построение устойчивой и непротиворечивой теоретической модели... К сожалению, вопросов по-прежнему больше, чем ответов. Но уже два года мы фиксируем относительно предсказуемый эффект. Осталось его объяснить... Я планирую, что мы завершим первую фазу в течение года-двух.

— А третья?

— Третья фаза потребует более серьезных усилий, — ответил Сойер. — Но подготовительные работы уже начаты. Мы рассчитываем построить два исследовательских корабля и провести первую доказательную синхронизацию. Планируется передача пакета информации, а затем... Затем передача массы. Разумеется, опыт будет проведен вне пределов гелиосферы — опять же...

Сойер не успел договорить — открылся вход, и в зал вбежал запыхавшийся человек. Он вручил Сойеру серебристый цилиндр, и, не произнося ни слова, удалился. Вход исчез. Они снова остались в объеме вдвоем. Втроем. Цилиндр пах горелым — так, во всяком случае, показалось Мартину.

— Это данные с «Горизонта»? — спросил он.

— Да, — ответил Сойер. — Может, приступим?

— Да, конечно...

Сойер свинтил крышку с цилиндра и достал лист серой бумаги.

— Сейчас я зачитаю то, что смог записать приемник, — сказал он. — А потом сверю с вашими записями.

— Понятно.

— Тогда начинаем. Печать. Сын. Песок. Эркер. Парус. Резьба. Арфа. Гурт. Свод. Кадр. Звено. Звено... Все. Какие-нибудь ассоциации?

— Нет, вроде... — ответил Мартин.

— Хорошо...

Сойер еще раз повторил написанное на листе из капсулы и зачитал то, что написал Мартин:

— Солома. Блистер. Пальма. Цилиндр. Собрание. Подушка. Наутилус. Порфир. Маскарад. Номер. Фильтр. Пчела. Пятка. Ромашка. Костыль. Кисель.

Мартин чесал подбородок.

Ему было снова стыдно. Больше, чем стыдно, Мартин чувствовал самую настоящую вину.

— Интересно... — Сойер разглядывал листы. — Если честно, я не вижу явных совпадений... Возможно, компьютеры сумеют что-то вытянуть, думаю, даже наверняка. У вас необычный этюд... Знаете, с каждым опытом данных все больше... Мартин, скажите, а вы не могли бы ответить еще на несколько вопросов?

Мартин кивнул. Чего уж теперь, можно ответить...

— Да, — сказал Мартин. — Конечно, отвечу.

— Вы когда-нибудь сталкивались с «синхроном»?

— Нет, — ответил Мартин. — Не могу припомнить... Я обратил бы внимание.

— Понятно... А дежавю? Насколько часто?

— Не знаю, я не следил... Бывают, конечно.

— Навязчивые дежавю?

— Навязчивые?

— Некоторые люди испытывали дежавю по несколько раз в час. Такое имело место?

— Нет, такого не было. Но... Но я хотел сказать...

— Вы заметили что-то странное? — насторожился Сойер. — Поймите, нам важны все детали!

Мартин молчал.

— Мартин?

— Извините, Алан, — прошептал он. — Я... Мне нелегко признаться, но... я устал во время перелета...

Мартин замолчал.

Сойер внимательно слушал.

— Одним словом... Когда я сел на диван... Я уснул.

— Уснул? — переспросил Сойер.

— Да. Я уснул. А потом мне было неудобно... Это так нелепо... И я... Я просто описал предметы из своей каюты на дирижабле.

Стало тихо. В зале и раньше было тихо, но сейчас... Мартин слышал собственное сердце. Девушка, кажется, снова вздохнула.

Сойер расхохотался. Несколько истерически, как отметил Мартин. То есть весьма и весьма истерически, со всхлипами, дергая плечами. Смотрел на листы и смеялся. Мартину было не до смеха. Он ощущал себя законченным и фантастическим кретином. Хуже луддита, чуть лучше вандала. Надо было ехать на Залив. Зачем он отправился в музей? Показал себя дураком перед Сойером. И перед ней...

— Знаете, а это может быть интересно, — сказал вдруг Сойер. — Об этом стоит подумать. Забавно...

Сойер еще раз поглядел в листы, затем убрал их в планшет.

— Извините, — повторил Мартин. — За то, что потратил ваше время. И, наверное, ресурсы... Отвлеч... Мне очень, очень жаль. Я... Я просто дурак.

— Не переживайте, Мартин, — Сойер похлопал его по плечу. — Ничего страшного, в сущности, не произошло. Путь познания... бывает смешон. Бывает страшен, бывает нелеп... Но это путь. А ресурсы... Человечество может себе позволить небольшую ошибку. Ошибки простительны. Ошибаются все...

Мартин поежился. Хорошо, что маменька про это никогда не узнает.

— Человечество может себе это позволить, — повторил Сойер. — Конечно, есть вероятность, что мы изобретаем «драконью тягу» и шагаем в очередной тупик... Но если есть хоть один процент... Доля процента... Этого более чем достаточно. Результат оправдает все усилия, согласитесь?!

— Да, конечно.

Сойер протянул руку, Мартин пожал ее с чувством.

— Вы намереваетесь продолжить осмотр? — спросил Сойер. — Я имею в виду, прочих экспонатов?

Мартин посмотрел на девушку.

Она по-прежнему улыбалась.

— Пожалуй, нет, — ответил он. — Я обещал друзьям... Мы должны встретиться на Заливе.

— Завидую... — улыбнулся Сойер. — В ближайшую неделю ожидается прекрасная погода, а мне... надо серьезно подумать...

— Да.

Мартин поднялся с дивана.

— Говорят, в каждом нашем вдохе присутствуют молекулы из последнего выдоха Чингисхана... — печально сказал Сойер.

— Что? — обернулся Мартин.

— Оранжевый «Зет», сто семнадцать — сорок восемь, — сказал Сойер. — Я обещал вам хOVER. Он ждет вас на набережной.

— Спасибо... Я отправлю его вечером...

— Не надо. Оставьте до четверга.

— Спасибо!

Сойер кивнул.

Мартин направился к выходу. Он оглянулся в последний раз, но девушку не увидел — только спину Сойера.

— А когда можно... ее увидеть? — спросил Мартин. — Ну...

— Полагаю, завтра. Насколько я помню, музей находится в Гааге. Думаю, при естественном освещении она выглядит лучше. Гораздо лучше...

— То есть вы возвращаете ее в музей?

— Домой, — уточнил Сойер. — Разумеется, так происходит всегда...

Сойер по-прежнему загроаживал мольберт.

— А вы... Что вы будете использовать в следующий раз? — спросил Мартин.

— Не могу вам сказать, — покачал головой Сойер. — Во-первых, разглашение может нарушить чистоту эксперимента. А во-вторых... Я сам пока не знаю. Ни места, ни времени, ни остального.

Сойер повернулся.

— Но почему все-таки она? Великих картин много...

Сойер почесал бородку.

— Считайте это... некоторым... всплеском в потоке Юнга.

— Я не очень...

— Говоря проще, она выбрала вас, Мартин.

— То есть?

— У вас имеется еще полтора часа? — спросил Сойер. — Вы, безусловно, человек с воображением, и шанс есть, я постараюсь объяснить.

— Нет... То есть совершенно... Мне пора. Может, в двух словах?

— Да, конечно. Она выбрала вас.

«Врет, — думал Мартин. — Сказал, чтобы сделать мне приятное. А то я расстроюсь и пожалуюсь в комиссию по этике Академии наук. Как дурак. Я дурак и есть, вполне могу пожаловаться... Как она могла меня выбрать? Это я выбрал ее. Я почувствовал усталость в зале с греческими вазами и решил отдохнуть, увидел синий свет, заглянул проверить, что это за свет, а мог бы и мимо пройти. Вот и все».

— Мне пора, — сказал Мартин.

Он направился к выходу, сопротивляясь назойливому желанию оглянуться. Наверное, если бы Сойер сказал еще что-нибудь, Мартин вернулся обратно.

Но Сойер промолчал.

В зале с греческими вазами Мартин пристал к группе посетителей, судя по их измученному виду, направлявшихся к выходу, и через полчаса покинул музей.

Настроение было плохое, а погода стала еще лучше: ветер разогнал последние облака, солнце жарило, на пляжной барже, поднимавшейся по реке, вдвое прибавилось

народу, а возле автоматов с мороженым и лимонадом образовались очереди. Мартин простоял пятнадцать минут, запасся полудюжиной банок цитрусовой газировки и отправился искать хOVER.

Как и обещал Сойер, хOVER ждал на набережной — оранжевый «Зет» сто семнадцать. Мартин занял место в кокпите и открыл бутылку апельсиновой.

— Подъем, — приказал он.

ХOVER медленно набирал высоту.

Мартин пил лимонад и думал, что на Залив уже не хочется. Вернее, хочется, но чуть позже. А может, и вовсе не хочется — непонятно...

Мартин не знал, что ему делать, решил погулять над городом и запустил программу кольцевого облета. Он пил лимонад и смотрел вниз. На крыши, улицы, каналы и площади, на купола, на толпы на улицах и на крышах...

Гаага, в сущности, недалеко. Двадцать минут лета. Меньше — «Зет» уложится в пятнадцать, если завтра с утра...

И это будет плохо. Все испортит. Потому что завтра все будет иначе. И дело тут не в свете.

Мартин вдруг ощутил непонятное и странное, не испытываемое им раньше никогда.

Утрата.

Он не мог понять почему. Он не потерял ничего, но чувство неясной утраты не отпускало, словно в его жизни на секунду появилось нечто — появилось, исчезло, не повторится, останется в душе, будет беспокоить. И с этим надо что-то делать. Попробовать забыть...

— Курс на Залив, — приказал Мартин. — Идем над берегом.

Забыть не получится. Жить дальше... В ту же секунду Мартин понял, что никогда больше не вернется на дирижабли. Надо уходить. Оставаться нельзя, нельзя быть криотехником на реакторе кристаллов. Уходить. Бежать. Вперед... Мы сотрем подошвы о Млечный Путь, Вселенная

послушно ляжет под ноги, мы пройдем по ней до сияющего предела, марш звездолетчиков.

Надо поговорить с Сойером. Нет, не насчет Альфы, Альфа — это вчерашний день. Про синхронный привод. Конечно, он, Мартин, ничего не понимает в физике пространства, но криотехник он исправный. А в космосе всегда нужны криотехники, наверняка синхронный привод потребует охладить. И реактор, который его питает, обязательно охлаждают. Вакуумные градирни надо вовремя обслуживать. Гидравлику. Компьютеры. Сойер сказал, что опыт продолжится вне гелиосферы. А где еще? Там, между сектором Сол и Альфой, будут построены два солнечных фрегата. А солнечным парусам требуется качественное охлаждение... Да, поговорить с Сойером. Если подготовительные работы ведутся, он может участвовать. Пусть вся эта затея выглядит странно... Все лучше, чем сидеть на дирижабле.

Он вдруг понял, что окончательно не хочет на Залив, бесповоротно. Нет, к вечеру он, конечно, туда вернется — поговорить с Ярославом, попробовать все объяснить, извиниться за выходные, за то, что все так получилось...

Залив блестел синевой и золотом. Ховер шел над водой. Справа по курсу был виден берег, слева только море, перегибающееся за горизонт.

— Отбой, — приказал Мартин.

— Уточните.

— Отбой последней команды.

Солнце заливало кокпит золотым сиянием, вокруг были только золото и синева. Мартин вглядывался в горизонт сквозь прозрачный сапфир кокпита и знал, что будет помнить этот день, солнечный и ветреный день. Синий свет. Глаза. Дыхание. Север.